

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Rubric editor P. A. Kabanov

УДК 343.9:328.185:340.1

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.540-555>

Научная статья

Г. Н. ГОРШЕНКОВ¹

¹ Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

КОРРУПЦИЯ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Адрес: 603115, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4, тел.: +7 (831) 218-90-83

E-mail: gen7976@yandex.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3717-9260, AuthorID: 301968

Цель: презентация ключевых идей криминологической категории «коррупция».

Методы: использована общепринятая методология как система первичных знаний о методах и технологиях научной деятельности, сфокусированной на предмете и целях настоящего персонифицированного исследования. В основу положены диалектический и системно-синергетический подходы, открывающие возможности научного поиска в области чрезвычайно сложных, противоречивых, многоаспектных общественных отношений и процессов, присущих коррупции как негативному социально-юридическому явлению, находящемуся в единстве и взаимодействии с позитивным социально-юридическим явлением – антикоррупцией.

Результаты: систематизированы идеи конкретизации понятия коррупции как доктринальной и нормативной категории, выражающей особенности параметров ее оценки как объекта политических, правовых и правоприменительных воздействий. «Узкокриминологический» взгляд на коррупцию осмысливается через призму фонового явления («фон» понимается как коррупционно-ментальная почва, продуцирующая преступления, которым свойственна коррупция). Выделено «доктринальное» свойство коррупции – *институциональность*, или связь с социальными отношениями, функционирующими и развивающимися в параметрах, определенных нормами и правилами поведения и жизнедеятельностью людей.

Рассмотрена *системность* – внутренняя оптимизирующая сила институциональности коррупции, представляющей чрезвычайно ощутимую деструктивную угрозу метасистеме («государственному социуму»), объединяющую (под)системы государственного и муниципального управления, бизнес-систему и другие, где неизбежно деструктивное воздействие коррупции.

Институциональность *коррупции* рассматривается через управленческую призму, ибо система «коррупционного управления» перехватывает и реализует функции государственного и муниципального управления, однако с собственной корыстной выгодностью.

Сформулированы положения по профилактике коррупции как наиболее перспективному направлению и виду противодействия, определяющему нравственно-воспитательные, правовоспитательные, организационно-управленческие и другие меры.

Горшенков Г. Н. Коррупция как криминологическая категория
Gorshenkov G. N. Corruption as a criminological category

Научная новизна: предлагаются инновационные идеи научного (нелинейного) осмысления коррупции как понятийной категории криминологии – общетеоретической науки противопреступного цикла, точнее, частной криминологической теории коррупционной проблематики.

Практическая значимость: положения и выводы ориентированы на теорию и практику коррупциологии как научной основы противодействия коррупции, т. е. систематизацию и в итоге систему знаний о коррупции как объекте управленческого (правоохранительного) воздействия, методах ее исследования, а также разработку положений политической оптимизации противодействия коррупции.

Ключевые слова: уголовное право и криминология; коррупция; коррупциология; функциональность; менталитет; самоорганизующаяся система; самодетерминация; коррупционное управление; деструктивность; деинституционализация

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Горшенков Г. Н. Коррупция как криминологическая категория // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15, № 3. С. 540–555. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.540-555>

The scientific article

G. N. GORSHENKOV¹

¹ Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

CORRUPTION AS A CRIMINOLOGICAL CATEGORY

Gennadiy N. Gorshenkov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy
Address: 4 Ashkhabadskaya Str., 603115, Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 218-90-83
E-mail: gen7976@yandex.ru
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3717-9260, AuthorID: 301968

Objective: to present the key ideas of the “corruption” criminological category.

Methods: the generally accepted methodology is used as a system of primary knowledge about the methods and techniques of scientific activity focused on the subject and goals of this personalized research. It is based on dialectical and system-synergetic approaches that open up the possibilities of scientific research in the field of extremely complex, contradictory, multidimensional social relations and processes inherent in corruption as a negative socio-legal phenomenon that is in unity and interaction with a positive socio-legal phenomenon – anti-corruption.

Results: the ideas of concretization of the concept of corruption are systematized, as a doctrinal and normative category, expressing the features of the parameters of its assessment as an object of political, legal and law enforcement influences. The “narrowly criminological” view on corruption is interpreted through the prism of a background phenomenon (the “background” is understood as a corruption-mental soil that produces crimes characterized by corruption).

The “doctrinal” feature of corruption is highlighted – that is, institutionality, or connection with social relations that function and develop in the parameters determined by the norms and rules of behavior and people’s activity.

The systematicity is considers – the internal optimizing force of the institutionality of corruption, which represents an extremely tangible destructive threat to the metasytem (“state society”), which unites the (under)systems of state and municipal management, the business system, etc., where the destructive influence of corruption is inevitable.

The institutionality of corruption is considered through a managerial prism, because the system of “corruption management” intercepts and implements the functions of state and municipal management, but with its own profiteering.

The provisions on the prevention of corruption are formulated, as the most promising direction and type of counteraction that determines moral-educational, legal-educational, organizational-managerial and other measures.

Scientific novelty: innovative ideas of scientific (nonlinear) understanding of corruption are proposed, as a conceptual category of criminology – a general theory of the anti-criminal cycle, more precisely, a private criminological theory of corruption issues.

Practical significance: the provisions and conclusions are focused on the theory and practice of corruption as a scientific basis for combating corruption, i.e. systematization and, as a result, a system of knowledge about corruption as an object of managerial (law enforcement) influence, methods of its research, as well as the development of provisions for political optimization of anti-corruption.

Keywords: Criminal law and criminology; Corruption; Corruptiology; Functionality; Mentality; Self-organizing system; Self-determination; Corruption management; Destructiveness; Deinstitutionalization

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Gorshenkov G. N. Corruption as a criminological category, *Russian Journal of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 3, pp. 540–555 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.540-555>

Задача философии – постичь то, что есть,
ибо то, что есть, есть разум.

Г. В. Ф. Гегель

Введение

Приземляя высокий взлет философской мысли к «тому, что есть» в виде коррупции и находя в ней (разумом) законы развития мира, исследователь обращает свой интерес к более чем хорошо известному, но недостаточно изученному феномену. Представляется, что ныне значимость слова «коррупция» затмила его значение, которое продолжает оставаться предметом научных споров. Сложившаяся ситуация в теории и практике подталкивает к мысли о систематизации знаний, выражающих сущность и закономерности коррупции как предмета криминологического осмысления. Почему «криминологического», объясняется тем, что криминология опирается на «дух» изучаемого явления, т. е. исходя не из умозрительных посылок, или собственных представлений, привычных, общепринятых, а из самой сущности вещей, как это демонстрирует нам великий Ш. Л. Монтескье [1. С. 160].

Известно, что для правоприменительной практики не так-то просто бывает определить преступность деяний коррупционной направленности, которые за небольшим исключением декларированы ведомственной инструкцией (соответствующим перечнем № 23 преступлений коррупционной направленности, введенным совместным указанием Генпрокуратуры и МВД Российской Федерации). Исключение составляют не более 15 % так называемых безусловных деяний (в основном взяточничество, подкуп). Юридизация остальных зависит от усмотрения лиц,

которым предоставлено право делать в статистической карточке основного преступления отметку о его коррупционной направленности, которая ими усматривается. По сути, субъективированная формальная отметка заменяет юридический признак.

Возможности выбора таких деяний не ограничены строгими параметрами, ибо в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» понятием коррупции определено, можно сказать, любое «незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» (п. 1 ст. 1)¹.

Другого рода условности возникают при оценке коррупционного явления массового характера, или свойства не отдельного деяния, а общественной жизни, т. е. социального явления. С таковым уже имеет дело не столько «элементарная» практика противодействия коррупционным правонарушениям, сколько ее политика, или антикоррупционная политика.

В отличие от нормативного определения коррупции, доктринальное выражено во множестве дефиниций, также субъективированных в соответствующих авторских концепциях, таких как «деятельность, заключающаяся в использовании должностными

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 25.03.2021).

лицами своих прав и властных возможностей в целях личного обогащения» [2. С. 77] (а где иные субъекты, коррумпирующие лица?), «преступная деятельность в сфере политики или государственного управления, заключающаяся в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения» [3. С. 215] (и здесь – даже не «коррупцированные», а исключительно «должностные» лица) и др.

Получается, что коррупция – это мерзопакостное явление «должностного порядка». Весь остальной люд, участвующий в этом, представляется безгрешным. Достаточно посмотреть соответствующую массово-информационную продукцию, чтобы убедиться в безжалостном бичевании коррумпированных чиновников. Но коррумпируем-то их мы – кто-то реально (подкупая, посредничествуя), кто-то толерантно (терпимо относясь к взяточничеству, молча возмещающая коррупционные расходы в сфере торговли, услуг), не понимая, не вникая в смысл происходящего.

Криминолог это понимает. Но как это понимание довести до сознания хотя бы не народа, а политиков, управленцев – тех, разумеется, которые в этом нуждаются, а не политизируют коррупцию?

Содержание исследования

Излагая содержание таинственного процесса систематизации знаний в научную концепцию, целесообразно обозначить своего рода алгоритм исследовательской мысли в отношении коррупции как категориальной единицы системы понятийного аппарата криминологии, в которой, естественно, отражены те свойства и связи содержательных элементов явления коррупции, которые составляют предмет предвкушаемой инновационной криминологической теории (коррупциологии).

В данном процессе очень важно определиться с методологическим инструментарием и умением обращаться с таковым. Перспективным представляется главным образом системный подход, который «открывает вид» на коррупцию как сложное, многоаспектное, структурированное социальное явление, органически интегрирующее «в себе социальную, экономическую, юридическую, политическую, управленческую, этическую составляющие» [4].

В авторском представлении может быть предложено менее абстрактное определение: «Коррупция

есть социально-правовое явление, сущность которого выражена в общественных отношениях, возникших на основе оплаченного соглашения (коррупционной сделки) двух и более лиц по незаконному использованию должностного положения в противоправном извлечении совместной выгоды» [5. С. 30]. Должностное положение выступает главным средством коррупционного акта, к которому непременно «органически» причастно должностное лицо (в случае взяточничества) или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации (в случае подкупа), а также любое другое деликтоспособное лицо. К сожалению, «другое лицо» чаще остается в тени исследования под сенсационно-ослепительным образом коррупционера.

Исходя из гегелевской посылки задача философии коррупции представляется связанной с формированием целостного взгляда на коррупцию, т. е. взгляда, обладающего способностью понимания и относительно полного осмысления этого социального объекта. И одной из составляющих этой целостности, или разумной определенности видится живучесть коррупции, или способность сохраняться во все времена и продолжать свое существование в неопределенном будущем.

Более чем десятилетнее кажущееся политическое оживление в отечественной практике противодействия коррупции, к сожалению, так и не вызвало аналогичного оживления в общественном правосознании. И это, пожалуй, нормально, как нормально и для всей преступности (по Э. Дюркгейму), т. е. закономерно, по разумению исследователя. «Нормальность» такого рода наблюдается на историческом фоне борьбы с коррупцией, начиная с принуждения населения к «кормлению» должностных лиц Древней Руси, перешедшее за тысячелетия в устойчивое обыкновение как разрешенного «мздоимства», так и запрещенного «лихоимства», сегодня же воплотившееся в известное, главным образом, «социально наследственное» взяточничество.

Коррупционная сделка может рассматриваться ныне как основная движущая сила трансформации коррупции, переводящая ее из состояния суммативного явления (элементы которого в большей мере автономны по отношению друг к другу, а взаимосвязи носят случайный и мало организованный, к тому же преходящий характер), в целостную систему [6]. Известно, что коррупция рассматривается сегодня именно как системная угроза национальной безопасности России.

«Системная» в понимании исследователя означает, во-первых, «исходящая из системы», а именно сложноорганизованной теневой системы (коррупционного) управления [7. С. 5–11]; во-вторых, несущая угрозу в виде мощного деструктивного воздействия на другую, позитивную систему социума, в которой выделяется ряд государственных, муниципальных, социальных подсистем и особенно бизнес-система.

Системность коррупции обнаруживается особенно активно в так называемых коррупционных сетях, функционирование которых «проявляется в формировании неформальных и нелегальных взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления в одном ведомстве или иной структуре, а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и иными структурами» [8. С. 158]; эти «коррупционно-должностные сети» тесно переплетены с другими аналогичными «сетями», в особенности в сфере бизнеса. Наиболее ярко и криминально-профессионально реализуется эта взаимосвязь в такой малоизученной форме материальной коррупции, как откат.

Все эти и подобные отношения не возникают и не развиваются сами по себе, стихийно: они регулируются соответствующими своего рода коррупционными обычкновениями (по принципу «так уж заведено») и выражаются в опривыченных действиях, или своеобразных социальных практиках, которым благоприятствует соответствующая социально-психологическая (коррупциогенно-коррупционная) среда. Коррупционные обычкновения аккумулируют энергию ментальности, т. е. энергию нашего разума [9] как высшую форму мыслительной деятельности, способности мыслить.

Ныне именно эта сфера выбрана Западом под руководством США в агрессивных устремлениях против России, целью которых и является информационно-гибридная, или ментальная, война, предполагающая «уничтожение самосознания, изменение ментальной – цивилизационной – основы общества противника» [10], в том числе путем внедрения коррупционных деструктивных схем. А наше нынешнее бытовое, толерантное сознание представляет для этих «гибридных» семян весьма плодородную почву.

Задачи и пути решения. Разумеется, такого рода угроза требует адекватного противодействия, защищенности от нее. А это, в свою очередь, возможно только на основе научных знаний о сущности, зако-

номерностях источника угрозы, что открывает перспективу разработки и реализации адекватных мер. Собственно, в этом и заключается одна из важных задач исследования: получить ответ на вопрос о том, что таит в себе сущность живучести коррупции.

В целом же задачей настоящего научного направления предполагается систематизация знаний преимущественно о внутренних источниках энергии, питающей и оптимизирующей функциональность коррупции, или ее причинности, т. е. наиболее активных, продуцирующих ее внутренних предопределяющих энергий (детерминантов), и возможностях профилактического воздействия на них. При этом целенаправленность исследования должна определяться параметрами системы противодействия коррупции, а они заданы, прежде всего, самим явлением коррупции, с одной стороны, как объектом управленческого воздействия (например, в виде количественного феномена коррупционной преступности), с другой – средой функционирования системы противодействия (уже в виде качественного феномена, прежде всего коррупционной ментальности).

Предметный интерес разрабатываемых задач исследования представляют те внутренние и внешние закономерности, которые продуцируют жизнеспособность коррупции как социально-юридического феномена и как отдельного его проявления, т. е. коррупционного преступления (подобно преступности общества и преступности деяния).

Коррупционная детерминация как разновидность криминологической детерминации исследователь рассматривает в виде двусторонней системы источников связующих энергий, а именно:

а) подсистемы внешних детерминантов, или энергий социальных явлений, процессов, наблюдаемых в различных аспектах социальной жизни: этических, политических, правовых, экономических, психологических и др.;

б) подсистемы внутренних детерминантов, представляющих внутреннюю движущую силу коррупции.

В качестве последних можно указать одноименные, или названные выше, но только отличающиеся более узкими, в отличие от общесоциальных, параметрами, например, профессионально-этические нормы, сложившиеся в пресловутую форму круговой поруки, в параметрах которой образуются так называемые коррупционноемкие участки, опасность которых

заключается в коррупциогенности и латентизации коррупционных правонарушений. Энергетикой такого вида отношений выступает солидарная установка на получение незаконной прибыли. А за всем этим скрыт негативный менталитет – это мощнейший фактор детерминации коррупции, саморазвития анализируемой социальной системы. Таким образом, аналитико-криминологические размышления в концептуальных параметрах следует воспринимать как противокоррупционную систематизацию знаний о сущности социально-юридического явления коррупции и его детерминизме, что предполагает открытие определенных возможностей минимизирующего воздействия на данный феномен и питающую его энергию. Во всем этом исследователь видит фундаментальную основу политики противодействия коррупции.

Исследовательский метод (в собирательном значении этого термина) концептуализации должен быть определен с учетом характера, глубины и объема научного осмысления выделенной проблематики, а также возможностей тех инновационных исследовательских технологий, которые основаны на современных подходах к научному конструированию, т. е. определенным умозаключениям, теоретическим построениям, соответствующим предмету и замыслу исследования (кстати, именно научное знание по своей сущности и является конструктивным) [11].

Особо ответственная роль отводится самому исследователю, который применяет собственный методологический инструментарий, точнее, общепринятую методологическую науку как систему первичных знаний – о методах и технологиях научной деятельности, но которая сфокусирована на предмет и цель настоящего персонифицированного исследования, что придает инструментарию соответствующую направленность и специфику. То есть речь идет о своего рода криминологическом мышлении.

В этом сложном методологическом инструментарии главенствуют два основных подхода: диалектический и системно-синергетический, т. е. основанные на диалектике и синергетике как взаимосвязанных научных направлениях методологии [12].

Системно-синергетический подход открывает возможность рассмотрения коррупции как самоорганизующейся, динамической, нелинейной (отличающейся непредсказуемостью зависимостей, т. е. синергетической) системы, которая функционирует по законам

самоорганизации [12]. Эти знания имеют значение «не просто» для выявления, изучения закономерностей («причин и условий») коррупционных правонарушений в целях разработки и обеспечения результативности мер противодействия. Здесь речь идет о решении задачи обеспечения криминологической информацией функционирования управленческой (прежде всего правоохранительной) системы противодействия коррупции, т. е. практической деятельности, в которой, можно сказать, выражена тактика противодействия.

Тактику (в переводе с военного лексикона на гражданский) можно определить как разработку, подготовку и осуществление конкретных действий (по профилактике, предотвращению, пресечению коррупционных правонарушений, реакцию на них) в соответствии с политической целесообразностью. В данном контексте такая целесообразность формализована в известном нормативном акте Российской Федерации – Национальной стратегии противодействия коррупции (утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 года № 460). Национальная стратегия разработана, в частности, на основе анализа и оценки ситуации, связанной с коррупцией, системы противодействия с акцентом на предупреждение; определены основные принципы противодействия, особенностью которых выступает системность – как коррупционной угрозы безопасности, так и противодействующих мер.

Решение означенной задачи обеспечения криминологической информацией системы противодействия коррупции следует вывести на более высокий уровень реализации криминологических знаний – политику противодействия коррупции, обеспечения ее соответствующей научной информацией. Как известно, выявление, изучение «причин, условий» (закономерностей) коррупции и разработка мер по их минимизации составляют сущность практической составляющей предупреждения коррупции, точнее, ее проявлений.

Коррупция как самоорганизующаяся система. Такое осмысление коррупции позволяет рассмотреть ее как субстанцию (в переводе с лат. *substantia* – «сущность»), или умозрительно построенное явление объективной реальности, которое, важно подчеркнуть, существует само по себе и является причиной самого себя [13. С. 546].

На этой методологической основе феномен коррупции перспективно исследовать с институционального подхода, а именно рассматривать ее в другой,

более приближенной к реальности плоскости, т. е. в которой коррупция рассматривается как «социальный институт, элемент системы управления, взаимосвязанный с другими социальными институтами – политическими, экономическими, культурологическими» [14].

Слово «коррупция» означает, как известно, форму выражения негативной (главным образом, корыстной) стороны сущности общества. Это закономерно, ибо наличие хотя и очень желаемой исключительно позитивной социальной сущности невозможно ввиду диалектической аксиомы, которая утверждает: если существует что-то одно (порядок), то непременно должно существовать и другое, отличающееся от него («противопорядок», или беспорядок). Эти одно и другое, т. е. коррупция и антикоррупция, противоположны друг другу, но находятся в сущностном единстве социума, как две подсистемы одной метасистемы. Подсистема коррупции условно выделяется в качестве относительно самостоятельного объекта исследования, т. е. рассматривается как отдельная, но только уже деструктивная (под)система.

Здесь важно обратить внимание на закономерности, которые обеспечивают: во-первых, устойчивое существование явления коррупции как открытой (беспрепятственно взаимодействующей со средой, обменивающейся с ней энергией) системы; во-вторых, непрерывное энергетическое взаимодействие системы-коррупции со средой, в том числе с другими открытыми системами, функционирующими во всех социальных сферах – государственного, муниципального управления; правоприменения; бизнеса; здравоохранения; образования и др.

Возвращаясь к умозрительной модели системы коррупционного управления, нужно заметить, что «управление» в данном контексте понимается в неформализованном смысле, т. е. как воздействие на явления, процессы в целях их изменения для достижения нужного результата или во избежание результата нежелательного [15]. Соответственно, под «коррупционным управлением» мыслится целенаправленное воздействие на другую систему (политических, экономических, иных отношений) в целях обеспечения такого ее состояния, которое открывает возможности заключать злостные соглашения, позволяющие получать незаконную выгоду. Криминальная коррупция, как и вся преступность, держится на выгоде.

Такого рода управление является собой одну из сторон взаимодействия – деструктивную. Другая сторона воплощает в себе различные социальные формализованные и неформализованные системы, и в особенности систему антикоррупционного управления, или систему противодействия коррупции.

Законодательное понятие коррупции не проработано, оно определяет не деяние, на которое указывали бы «коррупционные» признаки, а суммативное явление, выраженное в совокупности во многом неопределенных деяний: *любое незаконное использование физическим лицом должностного положения* (в целях получения выгоды, для себя и для третьих физических лиц) либо *незаконное предоставление* такой выгоды указанному физическому лицу *другими физическими лицами* выражает собой лишь своего рода расплывчатый образ *корыстного поведения* совокупности физических лиц, прямо или косвенно извлекающих выгоду от незаконного своего ли, купленного ли должностного положения.

Такой подход предоставляет широкое коррупционное поле для сбора «урожая» в виде более 70 предполагаемых уголовно наказуемых деяний [16] и тем самым «растворяет в себе» ядровую (основную) сущность коррупции. А она, эта сущность, по убеждению исследователя, заключена именно в коррупционной сделке, которая отчетливо просматривается в так называемых безусловных коррупционных преступлениях. На сегодня (на момент конструирования данной концептуальной модели) определено 14 таковых статистических единиц [16]. В указанных деяниях выражено содержание деятельности. Таким образом, синергизм деятельности (как формы существования) можно в самом общем виде представить как слияние энергий различных деяний, связанных с незаконным использованием должностного, служебного положения.

Объект системы-коррупции как «реальное нечто» конкретизировать фактически невозможно. Исходя из того, что коррупция рассматривается как угроза национальной безопасности, следует заключить, что ее объектом выступают жизненно важные интересы личности, общества и государства во всех социальных сферах (подсистемах социума) без исключения; это практически все – политические, общественные, экономические и иные – отношения.

Что касается цели, то по отношению к явлению коррупции как системе деструктивного управления

она может быть указана условно, исключительно в контексте системного подхода к рассмотрению предмета исследования. В действительности у явления не может быть цели. Социальные явления – «дело рук человеческих», человеческого ума, продукт социальной жизнедеятельности [17]. Какая может быть цель у продукта вообще или продукта в особенности, например, системы образования, культуры, высоких технологий и т. п.?

«Продукты» жизнедеятельности людей потому и создаются волей-неволей, ввиду востребованности социума. Например, как уголовное наказание призвано принуждать к порядку (зачастую не урегулированному нечетким законом), так и коррупция вынуждает ответственных функционеров решать социальные проблемы, т. е. вопросы повышения уровня жизни людей, зависимости граждан от чиновничества, деморализации общества, правовой инфантильности и правового нигилизма и т. д.

Функциональность коррупции. Коррупция как явление и являет собой последствия названных и неназванных подобных проблем. То есть в коррупции выражена проблемность как особенное конфликтогенное свойство общества. Система-коррупция функционирует в умозрительных целях, т. е. «для того, чтобы». Речь идет о назначении, или функциональности коррупции в общественной жизни. Таким образом, коррупция не может иметь цели, предполагающей конечный результат. Кстати, цель и результат не одно и то же. Цель – умозрительный образ предвдушаемого результата. Результат – следствие целенаправленной (осуществляемой в направлении, обозначенном целью) деятельности.

В литературе можно встретить суждения о так называемых недостижимых целях, которые выступают в виде мотивирующего средства концентрации сил на чем-то основном, например, «цели жизни»; в виде стратегических ориентиров (стратегических целей), как цель искоренения причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, предусмотренная Национальной стратегией противодействия коррупции (утвержденной Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460²).

Однако эти «недостижимые цели», по сути, есть не что иное, как функции. Именно в них проявляется

деятельное свойство коррупции, или функциональность, которая может быть представлена совокупностью возможностей (потенциалом) деструктивного воздействия на государственное и муниципальное управление, коммерческую сферу и иную сферу, особенно его кадровое обеспечение; устойчивости и развития экономики; морально-нравственного и в целом социального климата в обществе.

Функциональность, как известно, обладает целесообразностью и соответствующей направленностью, а также нуждается в подходящих методах и средствах реализации (коррупционной сделке, различных формах взяточничества), что придает системе существенное отличие. Во взаимодействии со средой проявляется характер функционирования. Например, в сфере здравоохранения, образования, услуг, правоохранительной и других сферах функционирование «коррупции» обретает как бы повседневный, привычно-бытовой характер, в соответствии с чем коррупция и определяется как «бытовая». К слову, непростительно, даже, можно сказать, попустительно обделяемая вниманием прессы.

Структурно-функциональный анализ позволяет выделить десятки составляющих коррупции. Например, авторы словаря-справочника «Коррупция и антикоррупционная политика» выделяют по этому сложному критерию «характер» более сорока видов-подсистем коррупции (государственно-коммерческая, деловая, избирательная, политическая и т. п.) [18. С. 38–44].

Рассматриваемая система отличается полифункциональными составляющими. Диалектический подход позволяет относительно успешно провести дифференциацию функциональности коррупции. С одной стороны, в «наборе возможностей» явно выделяются деструктивные функции, а с другой – как бы ни парадоксально кому-то это казалось, функции конструктивные. Вспомним: если существует что-то одно, то непременно должно существовать и другое, от него отличающееся.

Что касается деструктивности коррупции, то исследователь находит в ней тот разрушающий потенциал, который может быть представлен как источник системной угрозы национальной безопасности.

Деструктивные функции очевидны; они реализуются в производных от них отношениях, порицаемых обществом и которые можно условно разделить на три группы (по аналогии с моделью мотива по-

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99386/ (дата обращения: 25.03.2021).

ступка в теории известного русского философа и литературоведа С. А. Левицкого [19]). В первую группу следует отнести функции, посредством которых коррупция продуцирует отношения противоправного характера, – дисциплинарные, гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые и т. п.; во вторую – функции неморальные, т. е. корыстолюбивые, честолюбивые, властные, контагиозные (от лат. *contagiosus* – «заразительный, заразный» и др.); наконец, в третью группу – функции аморального характера, т. е. деморализующие общество, формирующие привычно терпимое отношение людей к так называемому коррупционному поведению.

По существу, в целом коррупция носит аморальный характер, однако можно выделить особый, доминирующий аморальный окрас функциональности коррупции, в котором «закрашивается» истинное (противоправное) ее лицо, например, лоббизм, покровительство, в основе которых находят место политические интересы, кумовство [20]. Даже такое преступление, как воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, соединенное с подкупом (ч. 2 ст. 141 УК РФ), нередко преподносится не как коррупционное преступление, а как вид, мягко говоря, недобросовестной избирательной кампании.

Кстати, в этом усматривается эффект социальной мимикрии, т. е. применения своеобразного приема в виде сокрытия под маской (например, благотворительного акта) истинной, коррупционной, сути или намеренности лица [21. С. 132].

Функции первой и третьей групп не нуждаются в объяснении, как не нуждаются в этом очевидные противоправность и аморальность, которые определяются сознательными представлениями о хорошем и плохом, добре и зле, дозволенном и недозволенном и т. п. Моральное, как известно, формируется сознанием, внушается, воспитывается и определяет социальные нормы поведения.

Вторая группа разновидностей функциональности менее понятна ввиду доминирующей в ней преимущественной психологической составляющей. Если мораль основывается на идеалах, то психика – на природе человеческой; это внутренний мир человека, его чувственных восприятий, ощущений, эмоций, желаний, мотивации и др.

Корысть, властолюбие, эгоизм, зависть и прочие качества – природные свойства человеческой природы, их воздействие как бы замкнуто на самого субъекта, озабоченного собственными, можно сказать, болезненными устремлениями. Чужие переживания субъекта не интересуют. Именно таких людей имел в виду В. Шекспир, вложив в уста Гамлета известную фразу: «Что он, Гекубе, чтоб о ней рыдать?»

По убеждению Ю. М. Антоняна, коррупционное поведение полимотивировано. Ученый рассматривает два основных мотива: корыстный и игровой – и два дополнительных: честолюбие (жажда известности) и властолюбие (стремление властвовать) [22].

Выделяемая контагиозная как не моральная функция коррупции вызывает «разлагающий эффект» в социальной сфере, особенно в экономической [23. С. 3]. Смысл эффекта заключается прежде всего в том, что, во-первых, на обыденном уровне общественного сознания здравый смысл в оценке коррупции, практический рассудительный взгляд на нее как на явление крайне негативное по отношению к общественной нравственности и праву меняется прямо противоположно; во-вторых, на уровне чиновничьего и делового сознания коррупция воспринимается уже «не просто» как относительно эпизодическая возможность утолить корыстную потребность, а с «высокой позиции» жизненной философии личной выгоды, как стратегия коррупционного поведения.

Конструктивные функции. Продолжая аналитический анализ второй «диалектической» стороны, т. е. конструктивной функциональности коррупции, следует признать тот факт, что в ученом мире (да и не только в нем) существуют довольно распространенные взгляды на полезность коррупции [24]. Например, Н. В. Ярмоленко определяет в коррупции как неформальном институте (системе коррупционного управления) ряд социальных (управленческих) функций, а именно: упрощение отношений управленческого характера в органах власти; обеспечение оперативности и простоты принятия управленческих решений; урегулирование в неформальных правилах статусных ролей и отношений субъектов коррупционных отношений [25].

Разумеется, к конструктивно иницирующей составляющей функциональности коррупции следует относиться с большой долей условности. Правильно замечает С. А. Левицкий, обращаясь к народной му-

длости: если не бывает худа без добра, то это вовсе не означает, что надо ставить в заслугу «худу» долю того невольного добра, которая из него была получена [19. С. 190] (т. е. куплена). Это тот отрицательный случай, когда «цель оправдывает средства», например, правовое решение, добытое путем неправового средства, например, в виде коррупционной сделки в форме стимулирующей взятки.

По другой аналогии, коррупция (в образе угрозы национальной безопасности) сравнивается с врагом государства [26], что с точки зрения известного рационального подхода к оценке противостоящей вражеской силе определяет принцип «учиться у врагов» (как учился Петр I у шведов в войне с ними), «Учиться нужно всегда, даже у врага» (Овидий) и т. п. В этом отношении уместно обратиться к мудрости Далай-ламы XIV, который в одном из интервью сказал так: «В определенном смысле предполагаемый враг более полезен, чем друг. Потому что враг учит терпению и другим полезным качествам... Поэтому мы должны испытывать благодарность к своим врагам, ибо именно они могут наилучшим образом помочь успокоить наш ум!» [27]. Например, «успокоить ум» тех разгоряченных субъектом противодействия коррупции, которые усматривают в этом перспективу борьбы с коррупцией до победного конца [28] и даже находят необходимым для этого введение экстремальных мер, даже смертной казни и захоронения коррупционеров на отдельном кладбище (предложение депутата Государственной Думы) [29]. Хотя исторический горький опыт свидетельствует о бесполезности антигуманных методов борьбы с любым, к тому же закономерным злом. Вынужденность провоцирует непродуманную, эмоциональную исключительность, но для которой характерна «сиюминутность кавалерийской атаки».

Смысл предлагаемой категории «конструктивно иницирующие функции» определяется значением соответствующих слов: «конструктивная», т. е. созидательная, плодотворная, которую можно положить в основу чего-либо [30. С. 291], и «иницирующая» (от лат. *injacere* – «возбуждать, вбрасывать»), вызывающая какую-либо ответную реакцию, начало действия, принятия мер³. Показателен следующий

пример (правда, не связанный с коррупцией). Одна система (США) воздействует на другую систему (Исламскую Республику Иран) путем максимального давления разносторонними санкциями. Деструктивное давление на систему вызывает другого рода ответное давление – конструктивно иницирующее: Иран идет на объединение с Китаем, и два геополитических противника США заключают соглашение о стратегическом партнерстве на 25 лет [31]. Можно назвать это и эффектом бумеранга.

Что конструктивно иницирует коррупция? Коррупция как системное явление иницирует поиск политических, управленческих решений и действий, обеспечивающих системный характер противодействия коррупции. Коррупция, рассматриваемая как социальный деструктивный институт (негативный феномен неформальной институционализации, вытесняющий формальные институты неформальными правилами [32]), естественно, наводит на мысль о необходимости ее деинституционализации.

Очевидно, что в этом процессе необходимо переосмысливать уголовную политику, в частности, не переоценивать уголовно-правовые меры принуждения, ибо эти меры бесперспективны, поскольку направлены на «борьбу с прошлым». А в настоящем они представляют те самые «кавалерийские атаки».

В этом видится заблуждение политиков. С одной стороны, наблюдается переоценка возможностей добиться эффективности прежде всего правоохранительного механизма государственного управления, делая ставку на принуждение, особенно уголовно-правовыми средствами, ужесточение наказания. В умах политиков и управленцев витает известная идея бескомпромиссной борьбы с коррупцией. С другой стороны, естественно, недооцениваются преимущественные возможности «мирных средств» – экономических, социальных, воспитательно-профилактических, организационно-управленческих и множества иных мер.

И именно эта, не карающая, а созидательная система противодействия коррупции имеет несомненные перспективы в ее деинституционализации. В стратегическом и тактическом отношении реализации ее антикоррупционного потенциала она бесспорно правильна, ибо ориентирована не на «борьбу с прошлым», а на «предупреждение будущего», т. е. предупредительное воздействие указанных «мирных

³ Значение слова «иницировать». URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/иницировать> (дата обращения: 30.03.2021).

средств» (несомненно, при поддержке разумного при-
нуждения) на внутренние и внешние закономерности,
или причинность и обусловленность коррупции.

Иными словами, речь идет о детерминирующих
(институциональных) основах рассматриваемого
явления как предмета научного изучения. Данный
предмет поддается структурированию. Представля-
ется, что коррупционную интеграцию, переходящую
в более «живучее», системное качество, продуцируют
три вида факторов, или детерминантов:

а) «взаимопритягивание» дискреционной вла-
сти (т. е. предоставляющей широкие возможности
личного усмотрения) и экономического рынка с его
коррупционной инфраструктурой;

б) несовершенство политико-правовых институ-
тов, в деятельности которых наличествует возмож-
ность того же дискреционного принятия решений;

в) такой чрезвычайно сложный и противоречивый
социально-психологический феномен, как ментали-
тет, или особый склад ума, чувственных, культур-
ных особенностей, а также ценностных ориентаций
и установок⁴.

Менталитет и коррупция. Последний детер-
минант (в собирательном значении этого термина)
рассматривается в качестве внутреннего мощного
энергоемкого фактора коррупции как самооргани-
зующейся системы. Можно сказать, менталитет
главным образом приводит в движение энергию само-
организации коррупции как спонтанного образования
упорядоченных ее структур из хаоса [33. С. 202]
различных элементов (составляющих, в частности,
коррупционные деяния).

В отличие от первых двух разновидностей детер-
минантов, коррупционный менталитет исследован
недостаточно, и следует признать целесообразным
рассмотрение этого феномена более внимательно.

Движущая сила этого ментального фактора пред-
ставляет собой как бы диффузное (равномерно рассе-
янное, или распределенное во всей системе) свойство
(крепости, жизнестойкости), т. е. «строение» которого
выражено в саморассеянности [19. С. 87]. Такой
менталитет складывается в зависимости от характе-
ра продуцирующего его источника, т. е. позитивно

или негативно выражающего отношение к тому, что
мы называем коррупцией. Соответственно, следует
рассматривать как позитивный, так и негативный
нравственно-правовой менталитет – как две полярные
стороны этого явления.

Менталитет разнолик. Он принимает соответствую-
щий поведенческий окрас, не только в бытовой,
но и в деловой сфере. Например, можно обратить
внимание на негативный предпринимательский
менталитет, который, в частности, проявляется в без-
ответственном отношении к природным ресурсам,
экологии, отчужденности от социальных проблем,
убежденности в неизбежности коррупции, покорном
осознании платить незаконные сборы денег [34.
С. 155], что помогает прикрывать то самое безответ-
ственное отношение и благодаря чему нередко удается
предпринимательская деятельность.

В ментальности коррупции происходит, можно
сказать, переформатирование (изменение) образа
мышления, осознания и ощущения. Ныне специ-
алисты выделяют особенную, т. е. коррупционную,
форму психологии, которая проявляется, в частности,
в коррупционном поведении. Рассматривая сложную
систему детерминации указанного поведения, иссле-
дователь О. В. Ванновская выделяет в ней две состав-
ляющие: а) внешнюю детерминацию в виде «корруп-
ционного давления», или воздействия определенных
факторов, приводящих, в частности, к решению
о злоупотреблении должностными полномочиями
в целях получения личной выгоды; б) внутреннюю
детерминацию, или самодетерминацию, продуциру-
ющую поведение, особенно в тех внешних условиях,
которые благоприятствуют тотальному отчуждению
государственных служащих от нормативных пред-
писаний [35].

Сущность негативного менталитета главным
образом заключается в размытости понятия мораль-
ного долга [7. С. 6–7] или отстраненности от него.
Влияние негативного менталитета выражается пре-
жде всего не в очевидном (например, достигаемом
с помощью относительно формальных обыкновений)
принуждении, а в трудно постижимом неформаль-
ном, т. е. внутреннем, мировоззренческом качестве
самопринуждения.

Логично задаться вопросом: что это за фено-
мен – самопринуждение? Как пишет ученый и прак-
тик уголовной юстиции А. Л. Еделев, «коррупция как

⁴ Менталитет. URL: https://yandex.ru/search/?text=менталитет%20это&lr=47&clid=2261451&win=467&src=suggest_B (дата обращения: 08.03.2021).

системная угроза экономической безопасности представляет собой рынок теневого рынка услуг, тесно взаимосвязанный с другими социальными институтами – политическими, экономическими, культурологическими» [36]. Это умозаключение подтверждает излагаемые рассуждения о взаимосвязи, взаимодействии усилий различных систем в русле общей целесообразности, т. е. осознанного устремления к какому-то предвзвешиванию.

Важно обратить внимание на то, что ментальность как темный феномен, в котором сокрыта мощная энергия самопроизводства коррупции, не поддается ни предотвращению, ни пресечению, ни выявлению. Противодействовать ментальности можно, главным образом, путем «обезвреживания» условий, ее питающих, т. е. профилактикой.

Таким образом, исследование ментальной сущности коррупции перспективно вести в двух основных направлениях, определяемых ментальностью, во-первых, как свойством социальной среды; во-вторых, как тем же свойством, но уже перешедшим в продукт этой среды – коррупционную преступность.

Выводы

Изложенное выше можно рассматривать как еще относительно хрупкую теоретическую конструкцию, т. е. концепцию (от лат. *conceptio* – «система понимания») – комплекс взглядов, связанных между собой и образующих определенную систему знаний, руководящих идей как способ понимания, трактовки коррупции [37. С. 278], и связанных с ней явлений, которые, во-первых, обуславливают ее живучесть (причинность), во-вторых, стимулируют ее функциональность.

Основные положения данной концепции формулируются по традиционным параметрам предмета криминологии: сущность изучаемого явления, его закономерности и меры предупреждения.

Так, криминологическая категория «коррупция» рассматривается как социально-юридическое явление, которое выражает собой общественные отношения, возникшие на основе соглашения двух и более лиц о незаконном использовании должностного положения в противоправном корыстном извлечении совместной выгоды [38]; теоретическая модель социального деструктивного института.

Основной предметный интерес гипотетической концепции представляют закономерности функциональности коррупции как самоорганизующейся системы или набора неоднозначных ее возможностей, главным образом деструктивного и в определенной части конструктивного характера. Их аналитический анализ («аналитика», от греч. *analytike*, есть искусство анализа⁵) и более глубокое осмысление функциональности коррупции целесообразно проводить дифференцированно, т. е. применительно к политической [39], экономической [40], социальной [41] и духовной [42] сферам общества, что способствует поиску адекватных решений проблемы противодействия коррупции.

Главная проблема здесь видится в том, что функциональность сложившейся системы противодействия коррупции в нашем обществе отличается государственно-принудительной целесообразностью, в которой доминирует идея искоренения (по сути, неискореняемых!) причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе.

Стратегическая идея противодействия коррупции мыслится в другом ключе, а именно в деинституционализации коррупции, что означает ее социальную парализацию. В диалектическом единстве с этой стратегией разрушения должна получить развитие и другая стратегия – созидания, т. е. нравственно-правового оздоровления социального организма, на котором коррупционное паразитирование становится невозможным.

И опять же все эти вопросы должны решаться системно в параметрах научно обоснованной политики противодействия коррупции. Кстати, следует четко различать политику (как принципы, или руководящие идеи, противодействия) и противодействие (как деятельность, соответствующую этим принципам).

В изложенном предприняты усилия в плане теоретического конструирования проекта основного содержания криминологической категории «коррупция» и операционального осмысления в политическом и управленческом аспектах противодействия коррупции.

⁵ URL: <https://yandex.ru/search/?text=аналитика%20греческого&lr=20609&clid=2261451&win=467> (дата обращения: 12.05.2021).

Список литературы

1. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 799 с.
2. Татарстанский правозащитный энциклопедический словарь / отв. ред. Р. М. Булатов. Казань: РИЦ «Дом печати», 2001. 144 с.
3. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 1997. 526 с.
4. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. академик РАН Т. Я. Хабриева. URL: https://kartaslov.ru/книги/Коррупция_природа_проявления_противодействие/5 (дата обращения: 28.04.2021).
5. Горшенков Г. Н., Иванова А. А. Основы борьбы с коррупцией и предупреждение ее проявлений: учебно-практическое пособие. Н. Новгород: ННГУ, 2019. 149 с.
6. Суммативные и целостные системы элементов. URL: <https://cyberpedia.su/7x7673.html> (дата обращения: 14.04.2021).
7. Козлова Е. Б. Институциональная основа коррупции в России: отсутствие устойчивого антикоррупционного правового менталитета // Вестник РПА. 2019. № 2. С. 5–11.
8. Римский В. Л. Коррупция как системная проблема российского общества и государства // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 154–162.
9. Уз Е. Зачем нам нужна ментальная энергия. И при чем тут мозг. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5edd06cebd838f49c12a1e82/zachem-nam-nujna-mentalnaia-energiia-i-pri-chem-tut-mozg-5f07133356178d65881dc1a2> (дата обращения: 26.03.2021).
10. В Минобороны заявили, что США начали против России ментальную войну. URL: https://ria.ru/20210325/ssh-1602735487.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1616661768000 (дата обращения: 25.03.2021).
11. Севастеенко А. В. Конструирование в науке. URL: https://science.logistics-gr.com/index.php?option=com_content&view=article&id=737&catid=51&Itemid=55 (дата обращения: 25.04.2021).
12. Поддубный Н. В. Диалектика и синергетика – онтологическое и эпистемологическое единство. URL: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-255552.html> (дата обращения: 09.03.2021).
13. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
14. Гишинский Я. И. Коррупция // Большая российская энциклопедия. Т. 15. М.: БРЭ, 2010. С. 376.
15. Инютин С. А., Кожевина О. В. Управление // Большая российская энциклопедия. Т. 33. М.: БРЭ, 2017. С. 58–59.
16. Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности (введен в действие Указанием Генпрокуратуры России № 487/11, МВД России № 1 от 12.07.2019. URL: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-48711-mvd-rossii/ukazanie/> (дата обращения: 17.03.2021).
17. Пушкина В. Социальные явления. Понятие «социальное явление». Социальные явления: примеры. URL: <https://fb-ru.turbopages.org/fb.ru/s/article/214905/sotsialnyie-yavleniya-ponyatie-sotsialnoe-yavlenie-sotsialnyie-yavleniya-primeryi> (дата обращения: 23.03.2021).
18. Коррупция и коррупционная политика? Словарь-справочник / А. Э. Бикмухаметов, Р. Р. Газимзянов, П. А. Кабанов и др.; под общ. ред. П. А. Кабанова. М.: Медиа-Пресс, 2008. 144 с.
19. Левицкий С. А. Свобода и ответственность: Основы органического мировоззрения: статьи о солидаризме. М.: Посев, 2003. 462 с.
20. Feichtinger G., Wirl F. On the stability and potential cyclicity of corruption in governments subject to popularity constraints // Mathematical Social Sciences. 1994. № 28 (2). Pp. 113–131.
21. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.
22. Антонян Ю. М. Типология коррупции и коррупционного поведения: URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (дата обращения: 27.10.2020).
23. Борцев В. В. Коррупция: контагиозность, последствия и методы противодействия: автореф. ... канд. эконом. наук. М., 2014. 27 с.
24. Овчинников Д. В. Коррупция – это явление положительное или отрицательное // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 10. URL: <https://human.snauka.ru/2016/10/16706> (дата обращения: 07.04.2021).
25. Ярмоленко Н. В. Коррупция как вид неформального института. URL: <http://www.radnews.ru/коррупция-как-вид-неформального-инст/> (дата обращения: 28.04.2021).
26. Чибис А. Коррупция – враг государства. URL: <https://www.tv21.ru/news/2020/02/21/andrey-chibis-korrupciya-vrag-gosudarstva> (дата обращения: 30.03.2021).
27. Иванова С. Учиться у врагов. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/obstoyatelstva-zhizni/uchitsya-u-vragov/> (дата обращения: 20.03.2021).

28. Николаев А. С коррупцией будем бороться до победного конца. URL: <https://ysia.ru/ajsen-nikolaev-s-korrupsiiej-nado-borotsya-do-pobednogo-kontsa/> (дата обращения: 09.03.2021).
29. Смертная казнь и отдельное кладбище. В Госдуме придумали кару для коррупционеров. URL: https://pikabu.ru/story/smertnaya_kazn_i_otdelnoe_kladbishche_v_gosdume_pridumali_karu_dlya_korrupsionerov_6469593 (дата обращения: 19.02.2021).
30. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник. 944 с.
31. Строкань С. Запад закатывают на Восток. Китай и Иран наконец-то объединились против США // Коммерсантъ. 2021. № 55 от 31 марта. С. 6.
32. Наронская А. Г. Политическая коррупция: институциональный аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 12, № 1 (161). С. 67–72.
33. Граждан В. Д. Социология управления: учебник. М.: КНОРУС, 2008. 512 с.
34. Горшенков А. Г. Экономическая безопасность и криминологический мониторинг // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 1 (8). С. 151–157.
35. Ванновская О. В. Психология коррупции: симптомы, диагностика и профилактика. URL: <https://psy.su/feed/4939/> (дата обращения: 28.06.2020).
36. Еделев А. Л. Коррупция как системная угроза стабильности и экономической безопасности Российской Федерации: URL: <https://wiselawyer.ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/34589-korrupciya-sistemnaya-ugroza-stabilnosti-ehkonomicheskoy-bezopasnosti-rossijskoj> (дата обращения: 03.11.2020).
37. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
38. Горшенков Г. Н., Иванова А. А. Основы борьбы с коррупцией и предупреждение ее проявлений: учебно-практическое пособие. Н. Новгород: ННГУ, 2019. С. 149 с.
39. Кабанов П. А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. Казань: Новое знание, 2004. 176 с.
40. Мешканцов В. Н. Экономика коррупции (статья). URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=500 (дата обращения: 06.05.2021).
41. Голик Ю. В., Карасев В. И. Коррупция как механизм социальной деградации. URL: https://www.litres.ru/v-i-karasev/korrupciya-kak-mehanizm-socialnoy-degradacii/chitat-onlayn/?yclid=2406607207643251950&utm_medium=cpc&utm_source=yandex&utm (дата обращения: 06.05.2021).
42. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект коррупции // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, 7 декабря 2018 г. / под ред. Н. Ш. Валеевой и др.; Минобрнауки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. Казань: Изд-во КНИТУ, 2019. С. 86–90.

References

1. Montes'k'e Sh. *Selected works*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, 799 p. (in Russ.).
2. *Human Rights Encyclopedic Dictionary of Tatarstan*, otv. red. R. M. Bulatov, Kazan, RITs "Dom pečati", 2001, 144 p. (in Russ.).
3. Tikhomirova L. V., Tikhomirov M. Yu. *Legal encyclopedia*, pod red. M. Yu. Tikhomirova, Moscow, Yurinformatsentr, 1997, 526 p. (in Russ.).
4. *Corruption: nature, manifestations, counteraction*, otv. red. akademik RAN T. Ya. Khabrieva, available at: https://kartaslov.ru/knigi/Korrupciya_priroda_proyavleniya_protivodeistvie/5 (access date: 28.04.2021) (in Russ.).
5. Gorshenkov G. N., Ivanova A. A. *Bases of struggling corruption and preventing its manifestations*, Nizhny Novgorod, NNGU, 2019, 149 p. (in Russ.).
6. *Summative and holistic systems of elements*, available at: <https://cyberpedia.su/7x7673.html> (access date: 14.04.2021) (in Russ.).
7. Kozlova E. B. Institutional basis of corruption in Russia: the lack of a stable anti-corruption legal mentality, *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2019, No. 2, pp. 5–11 (in Russ.).
8. Rimskii V. L. Korrupciya kak sistemnaya problema rossiiskogo obshchestva i gosudarstva, *Russia and Contemporary World*, 2003, No. 4, pp. 154–162 (in Russ.).
9. Uz E. *Why do we need mental energy and what does brain have to do with it?*, available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5edd06cebd838f49c12a1e82/zachem-nam-nujna-mentalnaia-energiia-i-pri-chem-tut-mozg-5f07133356178d65881dc1a2> (access date: 26.03.2021) (in Russ.).
10. *Ministry of Defense claims the USA started mental war against Russia*, available at: https://ria.ru/20210325/ssha-1602735487.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1616661768000 (access date: 25.03.2021) (in Russ.).

11. Sevasteenko A. V. *Constructing in science*, available at: https://science.logistics-gr.com/index.php?option=com_content&view=article&id=737&catid=51&Itemid=55 (access date: 25.04.2021) (in Russ.).
12. Poddubnyi N. V. *Dialectics and synergetics – ontological and epistemological unity*, available at: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-255552.html> (access date: 09.03.2021) (in Russ.).
13. *Philosophic dictionary*, pod red. I. T. Frolova, 7-e izd., pererab. i dop., Moscow, Respublika, 2001, 719 p. (in Russ.).
14. Gilinskii Ya. I. Corruption, *Grand Russian Encyclopedia*, Vol. 15, Moscow, BRE, 2010, p. 376 (in Russ.).
15. Inyutin S. A., Kozhevina O. V. Management, *Grand Russian Encyclopedia*, Vol. 33, Moscow, BRE, 2017, pp. 58–59 (in Russ.).
16. *List No. 23 of corruption crimes* (enacted by the Order of the Russian Prosecutor General's Office No. 487/11, Russian Ministry of internal Affairs No. 1 of 12.07.2019, available at: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-48711-mvd-rossii/ukazanie/> (access date: 17.03.2021) (in Russ.).
17. Pushkina V. *Social phenomena. The notion of “social phenomena”*. *Social phenomena: examples*, available at: <https://fb-ru.turbopages.org/fb.ru/s/article/214905/sotsialnyie-yavleniya-ponyatie-sotsialnoe-yavlenie-sotsialnyie-yavleniya-primeryi> (access date: 23.03.2021) (in Russ.).
18. Bikmukhametov A. E., Gazimzyanov R. R., Kabanov P. A. et al. *Corruption and corruption policy, dictionary – reference book*, pod obshch. red. P. A. Kabanova, Moscow, Media-Press, 2008, 144 p. (in Russ.).
19. Levitskii S. A. *Freedom and responsibility: Bases of organic world-outlook: articles on solidarism*, Moscow, Posev, 2003, 462 p. (in Russ.).
20. Feichtinger G., Wirl F. On the stability and potential cyclicity of corruption in governments subject to popularity constraints, *Mathematical Social Sciences*, 1994, No. 28 (2), pp. 113–131 (in Russ.).
21. Dolgova A. I. *Crime, its organized aspect, and criminal society*, Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2003, 572 p. (in Russ.).
22. Antonyan Yu. M. *Typology of corruption and corruption behavior*, available at: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (access date: 27.10.2020) (in Russ.).
23. Bortsev V. V. *Corruption: contagiosity, consequences and methods of counteraction*: abstract of a PhD (Economics) thesis, Moscow, 2014, 27 p. (in Russ.).
24. Ovchinnikov D. V. Corruption is a phenomenon positive or negative, *Humanities scientific researches*, 2016, No. 10, available at: <https://human.snauka.ru/2016/10/16706> (access date: 07.04.2021) (in Russ.).
25. Yarmolenko N. V. *Corruption as a type of informal institution*, available at: <http://www.radnews.ru/korruptsiya-kak-vid-neformal'nogo-inst/> (access date: 28.04.2021) (in Russ.).
26. Chibis A. *Corruption – a public enemy*, available at: <https://www.tv21.ru/news/2020/02/21/andrey-chibis-korruptsiya-vrag-gosudarstva> (access date: 30.03.2021) (in Russ.).
27. Ivanova S. *Learning from enemies*, available at: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/obstoyatelstva-zhizni/uchitsya-uvragov/> (access date: 20.03.2021) (in Russ.).
28. Nikolaev A. *Fighting corruption till final victory*, available at: <https://ysia.ru/ajsen-nikolaev-s-korruptsiej-nado-borotsya-do-pobednogo-kontsa/> (access date: 09.03.2021) (in Russ.).
29. *Death penalty and a separate cemetery. A punishment for corrupt officials invented in the State Duma*, available at: https://pikabu.ru/story/smertnaya_kazn_i_otdelnoe_kladbishche_v_gosdume_pridumali_karu_dlya_korruptsionerov_6469593 (access date: 19.02.2021) (in Russ.).
30. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*, 4-e izd., dop., Moscow, Azbukovnik, 944 p. (in Russ.).
31. Strokan' S. The West is rolled up towards the East. China and Iran united against the USA at last, *Kommersant*, 2021, No. 55, 31 march, p. 6 (in Russ.).
32. Naronskaya A. G. Political corruption: institutional aspect, *Izvestia. Ural Federal University Journal, Ser. 3 Social and Political Sciences*, 2017, Vol. 12, No. 1 (161), pp. 67–72 (in Russ.).
33. Grazhdan V. D. *Sociology of management*, Moscow, KNORUS, 2008, 512 p. (in Russ.).
34. Gorshenkov A. G. Economic security and criminological monitoring, *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2008, No. 1 (8), pp. 151–157 (in Russ.).
35. Vannovskaya O. V. *Psychology of corruption: symptoms, diagnostics, and prevention*, available at: <https://psy.su/feed/4939/> (access date: 28.06.2020) (in Russ.).
36. Edelev A. L. *Corruption as a systemic threat to the stability and economic security of the Russian Federation*, available at: <https://wiselawyer-ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/34589-korruptsiya-sistemnaya-ugroza-stabilnosti-ehkonomicheskoy-bezopasnosti-rossijskoj> (access date: 03.11.2020) (in Russ.).

37. *Philosophical Encyclopedic Dictionary*, eds. L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1983, 840 p. (in Russ.).
38. Gorshenkov G. N., Ivanova A. A. *Bases of fighting against corruption and preventing its manifestations*, Nizhny Novgorod, NNGU, 2019, p. 149 (in Russ.).
39. Kabanov P. A. *Political corruption in Russia: notion, essence, causes, prevention*, Kazan, Novoe znanie, 2004, 176 p. (in Russ.).
40. Meshkantsov V. N. *Economics of corruption*, available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=500 (access date: 06.05.2021) (in Russ.).
41. Golik Yu. V., Karasev V. I. *Corruption as a mechanism of social degradation*, available at: https://www.litres.ru/v-i-karasev/korrupciya-kak-mehanizm-socialnoy-degradacii/chitat-onlayn/?yclid=2406607207643251950&utm_medium=cpc&utm_source=yandex&utm (access date: 06.05.2021) (in Russ.).
42. Ivent'ev S. I. Spiritual-moral aspect of corruption, *Practice of corruption counteraction: problems and achievements: works of the 9th All-Russia scientific-practical conference, December 7, 2018*, pod red. N. Sh. Valevoi i dr.; Minobrnauki Rossii, Kazan. nats. issled. tekhnol. un-t, Kazan, Izd-vo KNITU, 2019, pp. 86–90 (in Russ.).

Дата поступления / Received 19.05.2021

Дата принятия в печать / Accepted 30.06.2021

Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2021

© Горшенков Г. Н., 2021

© Gorshenkov G. N., 2021

ПОЗНАНИЕ

Бегишев, И. Р.

Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 300 с. (Серия: Цифровая безопасность).

Монография представляет собой первое в России комплексное исследование феномена преступлений в сфере обращения цифровой информации. В ней рассмотрены вопросы уголовно-правовой природы преступлений в сфере компьютерной информации, предложены решения выявленных проблем ответственности за их совершение, внесены рекомендации по противодействию исследуемой категории преступлений, а также варианты устранения пробелов нормативного регулирования.

Будет полезна научным и педагогическим работникам, обучающимся разных уровней профессионального и дополнительного образования, слушателям специализированных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных и судебных органов, разным категориям пользователей цифровой информации, а также всем интересующимся вопросами обеспечения цифровой безопасности.